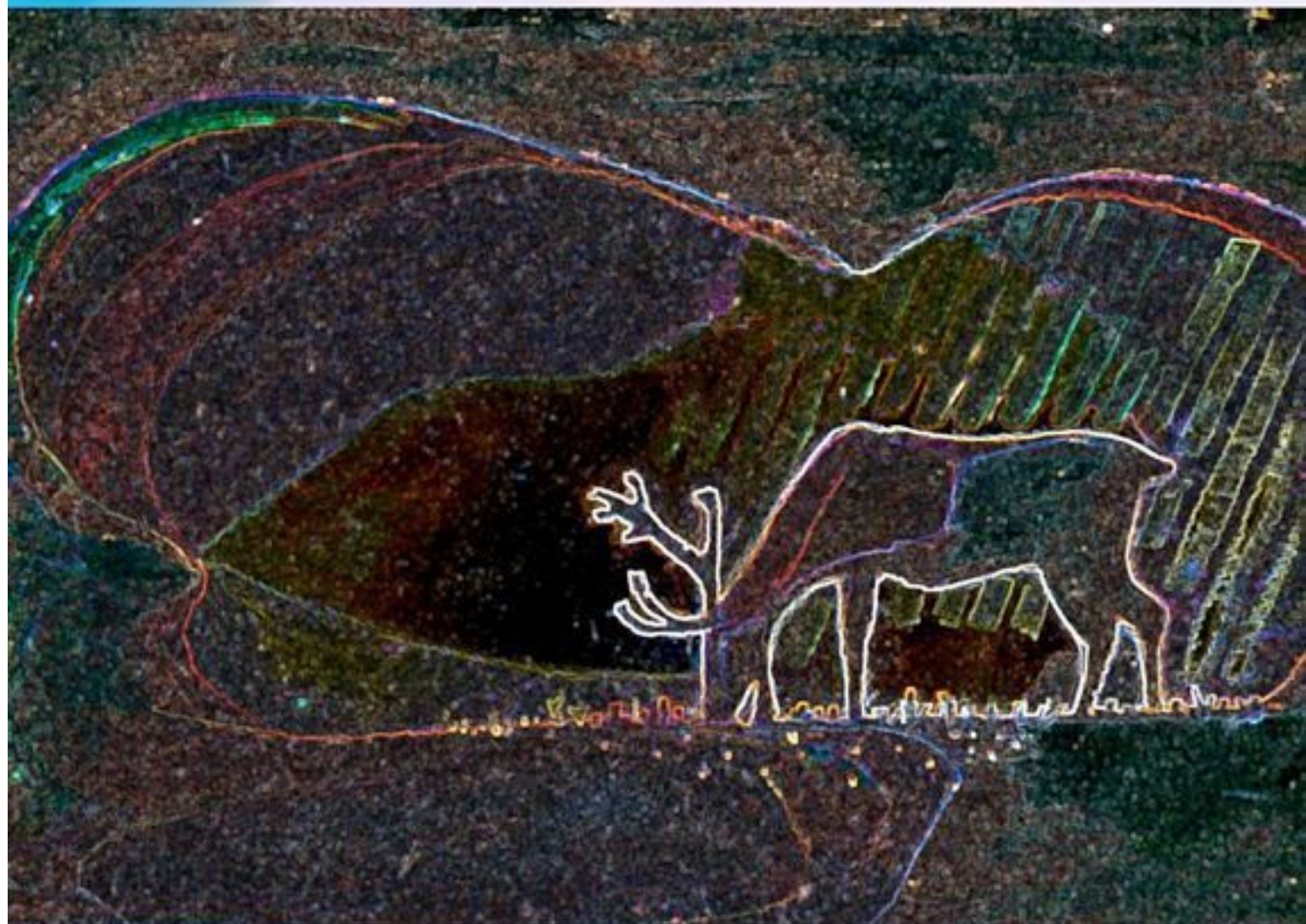

Валентин Люков

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Лирические новеллы

Валентин Люков

**Северное сияние.
Лирические новеллы**

«Издательские решения»

Люков В. И.

Северное сияние. Лирические новеллы / В. И. Люков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852582-7

С творчеством писателя-шестидесятника Валентина Люкова читатели знакомы по романам «Дорогу осилит идущий» и «Зарево над юностью», повестям «Звезды падают в полночь» и «У подножия радуги», сборникам рассказов «Маринкина песня» и «Лесная симфония». В этом сборнике представлены лирические рассказы о красоте природы, жизни и труде людей, написанные по материалам поездок автора по России. Рассказы печатались ранее в различных периодических изданиях и впервые собраны в одном сборнике.

ISBN 978-5-44-852582-7

© Люков В. И.
© Издательские решения

Содержание

ЛИРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ	6
Жизнь	6
У родника	7
Ракита	8
Орел и сыновья	9
ПЕСНЯ ОСЕНИ	10
Хлебный дух	10
Солнце под ногами	11
Капли смолы	12
Нежданная встреча	13
Лесная красавица	14
Жёлудь	15
Осенний букет	16
Озимые	17
Последняя песнь	18
Песня осени	19
РУДНИК РОМАНТИКОВ I	21
Где родился...	21
Искры в ночи	23
Племянник героя	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Северное сияние Лирические новеллы

Валентин Иванович Люков

Редактор Кирилл Владимирович Люков

Дизайнер обложки Владимир Николаевич Люков

Дизайнер обложки Кирилл Владимирович Люков

© Валентин Иванович Люков, 2017

© Владимир Николаевич Люков, дизайн обложки, 2017

© Кирилл Владимирович Люков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2582-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Жизнь

Она уходила в море. Все дальше и дальше. Волны играли с Ней, и Она играла с волнами. Изредка она оглядывалась и смотрела недолго на удалявшийся берег. Она видела, что Ее преследуют, и торопилась скрыться, но не на столько, чтобы пропасть из виду, Ей было радостно и тревожно от этой погони. Она чувствовала усталость. Мешали волны. Берег был уже далеко. Море простиралось еще дальше.

И Она сдалась. Остановилась, доверясь участи и благородству того, кто Ее преследовал. Мужчина обнял Ее за плечи.

– Ты – красивая! – сказал он ласково. – Какой же должна быть твоя любовь?!

– Я не знаю тебя, – отозвалась Она шепотом.

Шелест волны поглотил Ее шепот. Мужчина его не услышал.

– Нас никто не видит, – сказал он. – Мы здесь вдвоем – ты, я и море. Я – сильный, но я не хочу отнимать силой твою любовь.

– Я не знаю тебя, – повторила Она шепотом.

– Я видел тебя во сне, – сказал он.

– Это – неправда, – сказала она шепотом.

– Это – правда. Я видел тебя во сне.

– Ты – чужой для меня.

– Я вновь увидел тебя. Теперь уже в море. Ты ушла далеко. Одна.

– Я боялась тебя. Но я люблю море и верю ему.

– Я тоже люблю море. Мы вместе пойдем дальше. Мы должны полюбить друг друга.

– Не знаю, – сказала Она. Она сказала нетвердо и робко, доверясь участи и благородству того, кто обнимал Ее сильно и нежно...

Это было.

В конце Весны или в самом начале Лета.

У родника

От лесного ключа поднималась по косогору девушка с двумя полными ведрами на коромысле. И в каждом ведре девушка несла луну.

Повстречался девушке парень, заглянул в её глаза, попросил ласково:

– Девушка, подари мне одну луну. Давно я слежу за тобой и, как увижу тебя, сердце мое – не мое больше. Хочешь, возьми его взамен...

Встрепенулась девушка. Качнулись ведра. Исчезли обе луны, только серебристые осколки от них, как крохотные селявки, блестят в воде.

Не уходит парень, ждет терпеливо, когда вода успокоится. Молчит девушка, опустив глаза в счастливой робости.

Тихо, светло в лесу.

И на душе у обоих светло и тихо.

Ракита

Хвасталась перед ветлами ракита:

– Что мне Битюг!.. Вот возьму и перейду на ту сторону!..

Сомневались ветлы, шелестя своими стрелчатými, листьями. Они мудрее ракиты, стоят здесь не один век, но никому еще никогда не думалось такую реку вброд перейти. Битюг в этом месте широк, и дно его крутым изломом уходит под воду.

Шагнула ракита один раз, ничего – твердое дно под корневищем. Шагнула другой – не нащупала дна. Испугалась она глубины да так и осталась навсегда в воде: и дальше не идет – боязно, и назад не возвращается – от подружек-ветел стыдно.

Нанесло течением вокруг ее корневища илу да мусору, обмелело дно, затинилось, покрылась вода зеленой ряской, плесенью. И живут в той суводи лишь мальки линей да трусливые головастики.

А ветлы стоят себе на высоком берегу Битюга, полощут в чистой воде свои длинные звонкие мониста, да тихо посмеиваются над хвастливой ракитой.

Орел и сыновья

Орел взял со скалы одного птенца, крепко сжал его когтями и понес через море. Долго летели они навстречу ветру и соленым брызгам. На середине пути утомленный орел спросил птенца:

– Стар я стал, сынок. Скоро совсем не смогу добывать добычу. Будешь ли ты кормить и поить меня?

Птенец глянул вниз, на кипящие в шторме волны, испуганно ответил:

– Да, отец! Пока жив, буду кормить и поить тебя.

Орел немного подумал, потом разжал когти и полетел назад, где дожидался его второй птенец.

Над серединой моря он обратился к младшему сыну с тем же вопросом.

– Не знаю, отец, – ответил тот, – Может быть. Но прежде всего я буду думать о своих детях.

Старый орел тяжело вздохнул и понес его дальше.

ПЕСНЯ ОСЕНИ

Хлебный дух

Мы с отцом сидим у стола, молча наблюдаем за тем, как ловко мать выметывает из печи румяные караваи хлеба и раскладывает их по всей длине широкой судновки. Изба наполняется крупчатым запахом сгоревших на поду капустных листьев и запеченного теста.

Мы оба, отец и я, старательно проглатываем слюну, но матери нет никакого дела до наших вожделенных взглядов. И только потом, когда все ковриги уложены рядком на лавке и протерты сверху промасленной тряпицей, мать поворачивается к нам.

– Ну? – спрашивает она с восторженной гордостью, – Кто третьего дня говорил, что теперь не пекут настоящих хлебов?

Опускаю глаза, потому что говорил это я, когда зашла речь о сельской пекарне. Но разве я мог заподозрить, что первый хлеб из новой муки она испечет сама?..

Мать расстилает по столу хрусткое льняное полотенце и кладет на него еще не остывшую ковригу. Теперь очередь священнодействия за отцом. Он вытирает о край полотенца свои неотдыхающие ладони и бережно разламывает хлеб на три части. Кладет перед нами по увесистой горбушке и первым принимается за свою долю. Держа горбушку в правой руке, а ладонь левой поставив ниже подбородка, он ест так внимательно и с таким неподдельным аппетитом, будто только что приехал из невесть какого голодного края.

А когда вся коврига съедена и крошки подобраны, отец говорит, глядя мне в глаза:

– Понял, какой у нынешней осени дух?..

Солнце под ногами

Сразу за пряслами околицы туманится небольшое болото. На его иловатом мелкодонье недовольно шуршит камыш в обиду на октябрь за то, что осень высушила его дудчатые стебли.

Село уже проснулось, и хозяйки принялись за повседневные хлопоты. Из труб над крышами торопливо поднимаются вверх прямые и ровные столбики дыма. Они спешат подпереть отяжелевшие за ночь облака, чтобы не дать им пролиться надоедливом дождем.

Из настежь распахнутых дверей кузницы разносятся звонкие размеренные удары большого молота, и в лад ему ритмично поддакивает подголосок-молоточек. Это кузнец Степан и его сынишка Степка торопятся справиться урочные дела спозаранку, потому что Степке надо еще будет бежать в школу.

Расплескивая небо большими крыльями, над степью долго кружилась журавлиная станица, пока не опустилась близ болота. Птицам очень понравилась музыка кузни. Они протанцевали под ее ритмы какой-то свой ритуальный танец и двинулись к камышам. Белогрудый вожак первым приблизился к воде и вдруг замер...

У самого берега, в лунке от конского копыта, лежало... солнце.

Вожака так смутила неожиданная находка, что он застыл на месте с поднятой для следующего шага ногой.

Подшли другие журавли и окружили его. Несколько долгих минут стояли они в задумчивой неподвижности, следя за тем, как солнце медленно уползает не то под облако, не то под мшистую береговину.

Из кузницы вышли Степан с сыном и с недоумением загляделись на замерших журавлей.

– Чего это они? – спросил Степка.

– Не видишь разве? – отозвался отец. – Дорога им предстоит дальняя, вот они и колдуют.

Капли смолы

Над селом, над притихшей заводью пруда, над чуткой печалью угасших полей далеко разносится перезвон «бабьего лета».

Я иду по улице детства и радуюсь, а чему – не могу понять. Может быть, только тому, что я снова здесь, на своей маленькой родине, и знакомый отроду запах капустных кореньев остро щекочет ноздри? Или радостно мне оттого, что сырое лето сменилось, наконец, благодатной погожейстью? Трудно ответить сразу на то, что называется чувством.

И с этой, и с той стороны пруда разместились, как на досужей беседе, свежие сосновые срубы. Подхожу к одному из них. Под ногами весело шуршит ломкая желтая щепка. Но я гляжу вверх. Бревна пригнаны одно к одному привычными к топоричу руками, и пакля, с которой еще не успела осыпаться кострика, вьется ровненьким ручейком.

На гладких состругах блестят проступившие капельки смолы, похожие на застывшие слезинки.

Я долго гляжу на эти пахучие «слезы», но – странно – мне нисколько не грустно. Знать, и у дерева слезы бывают разные.

А разве не так? Разве это не радость – вырасти вдруг стенами, оглядеться по сторонам широкими окнами и увидеть, как в новый дом входит чье-то простое житейское счастье?

Нежданная встреча

Повинуясь далекому смутному зову с непонятым предчувствием встречи, неведомо с кем или с чем, выхожу из села. Навстречу скупому солнцу и гулкому простору, навстречу сырým облакам и тревожным запахам палой листвы. Пересекаю широкий, плотно «ухоженный» грузовиками в страду большак и вступаю в луга.

Тут и состоялась она, нежданная, негаданная встреча.

Тень от облака упала прямо передо мной так неожиданно и так густо, что я невольно опустил глаза и посмотрел под ноги. И только теперь я осознанно понял, что повлекло меня в эти уснувшие до весны луга.

Кто же ты, наследник или наследница моего детства, сохранившие эту тропинку? Сын кузнеца, белобрысый Степка, или внучка садовода Антипыча шустроногая Катька? А может быть, вы оба вместе?...

Я вижу себя семилетним русоголовым мальчишкой в посконной рубахе и посконных штанах с большим жестяным бидоном кваса в руке. Распояской, босиком бегу я по едва уловимой глазом тропинке. Влажная трава щедро оmyвает ступни и щиколотки, приятно холодит сквозь посконь коленки. Солнце еще только поднялось и не успело войти в силу, и весь луг дымится в его лучах, сверкает в бесчисленных миллионах капель росы, переливается сказочными самоцветами медуницы, шалфея, клевера и сотен других цветов, которым в моем тогдашнем понимании и названия-то не было. А над всем этим – запах. Отстоенный на ночном лунном хмеле, растревоженный зоревым брожением, ни с чем не сравнимый по остроте и аромату запах покосного луга!

Косари и ночевали в лугах, чтобы зазря не тратить время на ходьбу, а на обязанности детворы лежало снабжение их холодным ржаным квасом. Вот и бегали мы взад-вперед от зари до заката, гордые своей причастностью к важному делу. Впрочем, в те военные годы наше детство не было долгим. В десять лет нам вручали грабли, в одиннадцать – косы, а в двенадцать мы со стариками и бабами вровень отстукивали цепами на току завершающую песнь крестьянской страды.

Грабли, косы, цепи... Их давно уже нет в обиходе. Зато остались густой, пахнувший сторновкой ржаной квас и эта почти незрячая тропинка, как живое воспоминание о недавнем лете и о летах, давно минувших.

Тень облака ушла своей бесприютной дорогой. А я стоял еще долго читая и перечитывая единственную строчку этой тропинки.

Лесная красавица

Она стояла одна посреди плоской, как поднос, поляны. На ней было длинное, до земли, вечернее платье из тяжелого хвойного бархата. Заходящее солнце растекалось по ее темным иглам, струясь и переливаясь, как зыбкий бисер.

А вокруг теснились молодые дубки. Они застенчиво шептались о чем то, но ни один из них не решался сделать хотя бы шаг к середине поляны, туда где стояла она – елка.

Жёлудь

На большом кленовом листе, почти слившись с ним цветом, лежал желудь. С одного конца скорлупа его лопнула, и бледноватый росток, прошив пергамент листа, ушел в почву.

Мне почудилось в этой прямой тяге к жизни что-то целомудренно-вечное, несокрушимое, что само по себе уже сильнее всех прошедших и будущих бурь и гроз.

Я аккуратно разгреб обожженную октябрём листву и присыпал желудь влажной землей.

Незнакомый друг, если тебе доведется пойти по моим следам, пожалуйста, – будь осторожен!..

Осенний букет

К моим ногам летят листья. Ярко-алые, похожие на язычки холодного пламени, бледно-желтые с легкой кофейной дрожью, пепельно-серые и багрянистые, оранжевые и коричневые. У одних в середине еще оставалась грустная зелень, а края были подпалены дыханием осени, другие казались сшитыми тонкими прожилками из множества разно-цветных лоскутков.

Октябрь наследил, его привычка.

Я машинально ловлю летящие ко мне листья и машинально разглядываю их.

Листочек с березки. Маленький, гладкий, округлый и трогательный, как ладошка ребенку. И такой же доверчивый и бездумный.

А вот удивительно кроткий, нежный и, вместе с тем, пронизанный какой-то тайной тревогой, несдержанным беспокойством, почти суеверным страхом, неизвестно перед чем цвет осинового листа. Не знаю, почему, но только теперь, сейчас вот, когда я сижу на земле, прислонившись к осине и чувствую спиной, как тепло и сильно бьются в ней жизненные соки, только теперь я начинаю по-настоящему читать лицо матери, каким оно бывает всякий раз, когда мать собирает меня в дорогу.

Со старого, узловатого дуба падает мне на колени широкий, шершавый, шуршащий, как фольга, изборожденный морщинами лист. Я долго и напряженно вглядываюсь в его извилистые росшивы, и вдруг по моей щеке скользит в неумелой ласке большая, натруженная ладонь моего отца.

Я поднимаюсь с земли и долго стою в неподвижности, потеряв нить неведомо откуда нахлынувших мыслей и ощущений. Потом, будто что-то наконец вспомнив, набираю большой букет из самых красивых листьев и, с облегченной душой, выхожу на опушку.

Осторожно и бережно несу я домой частицу осенней лесной палитры и целое море протяжного, неотразимого и невыразимого словами запаха листопада.

Озимые

Стою на гребне кургана, гляжу вдаль, на веселую зелень озими, и уже сейчас слышу запах будущего хлеба и хруст его подгорелой на капустном листе корочки.

В стороне, из оврага поднимаются грибники. С лукошками, ведрами, рюкзаками идут они гуськом, след в след, поперек борозд, прямо по озими, по хрупким зеленым. Каждый их шаг болью отдается у меня в сердце, будто идут они не по земле, а по нему, по моему сердцу. Я напрягаю дыхание и кричу им:

– Эй, остановитесь, если вы – люди! Под вашими ногами – жизнь!..

Они машут мне привет руками и идут дальше, – гуськом, след в след, прямо по озими, по сгоревшим на поду капустным листьям, по румяным хрустящим корочкам испеченного хлеба и... по моему сердцу.

Последняя песнь

Матерый лось знал, что последняя песня осеннего леса принадлежит ему, и был готов к этому.

Он вышел на опушку тихим, полным смысла и ожидания утром, когда омытые ночной изморосью солнце едва выглянуло из-за горизонта и еще не успело зажечь дневные свечи спелых кленов.

А когда они вспыхнули, лось горным рывком вскинул горбоносую ветвистую голову, напряг бронзовые мускулы всего прекрасного тела, широко разметанными ноздрями втянул полную грудь воздуха и – затрубил.

Могучий, рокошующий рев взлетел туго натянутой струной над притихшим, настороженным лесом, над изумленными лугами, над звучной печалью далеких и близких деревень.

Грозная лавина звуков вылилась криком глубоко раненной души молодого сильного зверя, тоской и болью по безвременно ушедшему лету.

Но было в этом крике и нечто другое: буйство нерастраченных сил и страстей, неземная жажда жизни, готовность к жестокой борьбе с надвигающимися невзгодами, уверенность в непрременной победе.

Солнце поднялось уже высоко, а лось все стоял на опушке, изящным силуэтом вписанный в строгую раму леса, и трубил в небо, бросая вызов всем и всему живущему на земле, и самому небу.

Наконец он ушел, а подхваченная стоголосым эхом его трубная песня победы неслась по лесным чащобам и балкам в дали осени, сквозь ветер, сквозь облака, сквозь беззвучную капель переспелых кленов.

Песня осени

Золотая середина золотой осени. Тихие пустынные дни, немного холодные ранним утром, когда изумрудом и хризолитом блестит роса в косых лучах ослабевшего солнца; приветливо-теплые в полдень, обласканные еще не злым ветром, распахнутые настезь для взора и грустно-туманные вечером, овеванные кроткой, слегка розоватой закатной синью. Как хороши они, эти дни, когда еще по-летнему высокое небо сверкает чарующей синевою, и на фоне этой, едва приглушенной синевы причудливым бронзовым узором сквозят поредевшие пуши молодого леса. Воздух легкий, чист и стеклянно-прозрачен. Четко выступают степные холмистые дали. И оттуда, из-за холмов, с каждым днем все глуше и печальней доносится призывное ауканье лета. Но никто не откликается на его зов, не подает ответного голоса и теперь уж ни у кого нет сомнения, что лето окончательно заблудилось в волнистых холмах.

Опустели пашни. Ушли из полей трактора. Лишь почерневшие от забот грачи уныло бродят вдоль глубоких борозд, не думая о чистоте своих смолевых поддевок. Поредели сады. Освобожденные от тяжести плодов деревья стоят вольготно, расправив каждую веточку, какие-то непривычно лёгкие и голенастые, будто сразу выросшие. В затухающей жухлой зелени листвы мелькнет кое-где случайно позабытое яблоко, вызывая удивление перезрелой янтарной прозрачностью и тут же с влажным рассыпчатым шмяком упадет наземь. Над садами висит острый застойный запах аниса, поздних цветов и влажной земли. Нынче не только ветру везде просторно. По своим и чужим огородам, наслаждаясь неожиданно обретенной свободой, безнаказанно бродят однолетошные телята, наедают бока сочными капустными кочерыжками и бросовой свеклой. Октябрь торопится. Разжигает холодные, бездымные пожары в лесах, особенно ярко горят на возвышениях клены и долго еще будут пылать, не сгорая до конца, пока не подуют сырые ноябрьские ветры. Тогда сорвутся с родимых веток их семена, снабженные загодя маленькими пропеллерами, разнесутся по белу свету, и там, где они упадут с наступлением весны появятся хрупкие побеги сотен новых жизней. Но это будет. А пока стоят светлые, просторные осенние дни. Лето будто собрало за своими курганами остатки солнца и щедро выплеснуло их на улицы деревни. Выйдешь на крыльцо и невольно залюбуешься пестрой погожейстью. Глаза покалывает запоздалая зелень травы под нижним венцом избы. Сверкают разноцветьем чешуйчатые шиферные крыши. В конце улицы висит легкая дымка. Беззвучно летят кудельки паутины – это отправились в далекое путешествие беспокойные странники пауки бокоходы и тенетники. Дышится легко, свободно, всей грудью. Как славно в такую пору в лугах, в поле, в лесу!..

Осень. До чего ж она разнолика и многокрасочна на необъятных пространствах нашей земли! Где-то давно отгорела страда, а где-то еще догорает. Где-то на юге с теплыми морскими лагунами ласково шепчутся пальмы и лотосы, а где-то на севере шумят первые не окрепшие метели. И все это она, осень нашей земли. Но все-таки нигде она не имеет такой щедрой на краски и настроение, такой волнующей палитры, не вызывает такой нахлыни чувств, как в средней полосе, издавна покоряя души и воображение художников и поэтов.

Смотришь на бескрайнее, с каждым днем густеющее марево полей, и невольно начинает думать так же широко и просторно. Обо всем, что увидено, сделано и пережито, и всюду видишь заботливую и рачительную руку человека. Нашего человека, жизнелюбца и труженика. Человека, который мало говорит в силу природной своей застенчивости, но много делает такого, что всегда было загадкой в русском характере для стороннего наблюдателя. Человека, который неугомонно ищет, дерзает и неизменно добивается победы. Человека, который всегда в пути.

Он трудится всю жизнь, не прося ни почестей, ни наград, никогда не думая об этом. Он не совершает подвигов. Он просто живет на земле и для земли. Пашет, сеет, сажает деревья, чтоб всегда колосилась на зоревом ветру пшеница, чтоб в каждом доме не угасал запах свежего хлеба, чтоб всегда тепло, по-весеннему шумели сады, чтобы просторнее и веселее жилось людям в новых домах.

Да, он не ищет наград и почестей, а если, случается, они сами находят его, что ж? – он заслужил и это...

Отдыхает многожильная труженица-земля. Лицо ее в эти дни торжественно-покойно, взгляд немного выгоревших глаз задумчиво-кроток и чутко-печален. Это – лицо женщины, умудренной жизнью, прошедшей через множество испытаний и нелегкую, но необходимую школу познания.

Порой ей грезится весна – неутомная юность с присущей ей первозданной девичьей непосредственностью, целомудренной стыдливостью перед собственным расцветшим очарованием в лазурном зеркале майского неба, и заманчиво влекущей робостью перед неожиданно пробудившимся, неизведанным чувством материнства.

Порой она видит себя в счастливую пору летней спелости, полной мерой вкусившей взаимную любовь, пережившей ее терпкую радость и сладкую боль и трепетное биение зародившейся в ней самой новой жизни.

И это ничего, что летние дни устали от солнца и синего ветра, и что теперь даже в небе – осень, – вон как отчетливо в безлунные, ясные ночи проступает след Млечного первопутка. И не беда, что птицы отпевают ей прощальные песни. Они ведь улетают за новыми песнями и, как наберут их вдосталь, снова вернулся. И пусть на слегка привянувшем ее лице стало больше морщинок. Пусть. Это морщины заботливой матери, которая наработалась в страду до усталости, зато теперь пришел и ее черед отдохнуть. И ничего, что побаливает натруженная спина, а в руках загостилась ломота, это все обможется, схлынет, хоть и не разом, зато большая и дружная ее семья – с хлебом!

Она твердо знает, что вернутся весной птицы и, кроме новых песен, принесут ей новое счастье.

Недаром на пороге ее необъятного дома так ярко сверкает в ночи чеканного золота лунная подкова...

Всякий раз, когда я возвращаюсь домой, я вспоминаю о далеких краях, где почти круглый год цветут лотосы и гордые пальмы и кипарисы подпирают вершинами высокое, звонко-лазурное небо, где волшебным сверкают бахромистые шлейфы полярного сияния, где неумолчно бьют в скалы моря и океаны.

А когда я поеду опять туда, в эти далекие страны, мне будут грезиться эти вот неприхотливые степные холмы, эти вспаханные поля с падающей на них грустной журавлиной валторной, эти золотые певучие перелески.

И все это вместе есть моя Родина!

РУДНИК РОМАНТИКОВ¹

Где родился...

Неширокая речушка Осколец лениво петляет по белогорью. По ее правому берегу тянется старинное село с поэтичным названием – Лебеди. Село большое, дворов на четыреста. Как памятник далекого прошлого, стоит посреди села на сером взлобке холма церковь, единственное каменное строение. Все остальное – деревянное, ветхое, долголетнее. Огороды лысые, редко где мелькнет сиротливо дичок-кустик не то смородины, не то крыжовника, не поймешь. По улицам бродят поросята, артельные и частные.купаются в пыли на солнцепеке куры. Растет выше приусадебных плетней крапива...

Таким знал родное село Петр Лисицын. Таким готовился увидеть его, когда ехал в отпуск из Донбасса, где работал на комсомольской шахте сменным мастером.

Еще издали, идя напрямик степью, он увидел на улицах села что-то необычное. Он шел с юга. А с северной стороны серебрились на солнце тонкие нити узкоколейки. По ним неторопливо тянулся состав с груженными платформами. На дороге, напротив его дома, лежали огромные груды деталей экскаваторов. Около них хлопотали незнакомые парни в спецовках, вели монтаж.

Петр раньше слышал, что Лебеди стоят на руде, запасов которой хватило бы всей промышленности страны на многие десятилетия. И вот началось...

Для того чтобы приступить к разработке карьера, надо было переселить лебединцев в другое место, а одряхлевшее село пустить на слом. Но тут сказалась стариковская привычка к устоявшемуся плетню. Им предлагали новые дома под железом и шифером, с электричеством и радио, с палисадниками и зеленью, а они цепляются за свое: тут наши предки жили, тут мы родились, тут и померем.

– Далась вам эта рухлядь! – убеждал родителей Петр. – Не за тридевять земель вас переселяют! Тут же ведь рядом, рукой подать...

– Ты кусок оторванный, – отвечали те. – Твое дело – посоветовал да и умотал на свою шахту, а нам тут жить.

Разговор затянулся за полночь. А утром старик-отец стоял у прогнивших развалин и думал свою думу. В ладони он держал завернутого в тряпочку... сверчка. Кругом по улицам носилась пакля, гонимая ветром, с глухим скрипом валились старые избы, хрустели под гусеницами бульдозеров отжившие плетни и подворотни.

К вечеру длинная вереница машин двинулась за околицу. Лебединцев ждали новые дома, новые заботы, новые радости. Первые дни отец горестно вздыхал: в суете он потерял своего сверчка. Потом забылся, а теперь даже вспоминать об этом не хочет...

Рассказывает Петр историю последних дней села, и нет в его голосе сожаления.

– Вы только посмотрите, – говорит он, указывая на рудник. – Это же красота!.. Я так и не уехал на свою шахту. Написал ребятам – так и так, мол, не обижайтесь, остаюсь здесь... Это же, вот где мы стоим, моя земля. Там вон наша хибара стояла, где сейчас дробильная фабрика. Иду на смену, будто в свой дом вхожу.

Над рудником, выползая из низины, с берегов Оскольца, стелется вечер. Над нашими головами плывут тихие белые облака.

Петр улыбается:

¹ Белгородский железорудный бассейн.

– Как лебеди, правда?

Облака действительно чем-то напоминают огромных величавых лебедей. Их крылья распластались над рекой, над карьерами, над неумолчным гулом работающих машин, над степью, что раскинулась вокруг.

Искры в ночи

Ночь.

В вагоне двое – парень лет двадцати двух и я. На парне потрепанный морской бушлат, широкие форменные брюки и штатская коричневая ушанка, которая никак не идет к тельняшке, что виднеется на его груди. Он сидит в противоположном конце вагона, изредка подбрасывает из ящика кусочки угля в маленькую железную печурку и курит одну сигарету за другой. На багажной полке трясется его чемоданчик с потертыми углами. Я давно наблюдаю за парнем, стараясь угадать, кто он и куда едет.

Он встает, подходит ко мне и спрашивает, который час.

– Половина десятого.

– Спасибо, я думал – мои отстают. Едем-едем, а Губкина все нет. Боюсь, не проехать бы. У него большие обветренные ладони. Я смотрю на них и думаю: такие ладони, должно быть, очень серьёзны, когда парень работает.

Он садится напротив и начинает рассказывать, хотя я ни о чем не спрашивал. Имя его Владимир Стельмахов. Ему действительно двадцать два года. Служил на флоте кочегаром, мотористом, механиком. Он вспоминает о службе, о товарищах, и в его голосе слышатся грустные нотки. Служба ему нравилась.

– Не повезло мне, – говорит он. – С детства мечтал быть моряком, а тут только начал и – в запас. Два года всего и походил.

– Что так?

– Да понимаете? – он сдерживает волнение. – Выстроили нас, зачитали приказ о досрочной демобилизации – и по домам. А наш крейсер, совершенно исправный, – в док. Разрезали на куски, погрузили на платформы – и на переплавку. На наших глазах. Каково?

Словно в ответ на его слова, вдалеке вспыхнули яркие сполохи электросварки. Это было так неожиданно и так кстати, что Владимир не удержался от возгласа:

– Смотрите!..

Мы долго смотрели на чудесные россыпи искр в ночной дали, пока поезд не свернул в сторону и видение не исчезло.

– Вот так и наш крейсер резали, – сказал Владимир. – Тоже ночью, и так же искры сыпались. Мы с берега смотрели.

Наверное, мы оба подумали об одном: как все же хорошо ехать вот так по земле и видеть только такие, мирные искры в ночи...

У Владимира нет родственников. Мать умерла во время ленинградской блокады. Отец закончил свой солдатский путь на подступах к Берлину.

– А я вот еду счастье свое искать, – продолжал Владимир. – Я еще когда служил, слышал, что тут молодежная стройка развернулась. Ну, куда, думаю? Конечно, сюда. Ребята просили написать, если нужны тут люди, они тоже приплывут. Не знаю, найду ли я тут то, за чем еду...

Я опять посмотрел на его ладони.

Большие обветренные, они спокойно лежали на его коленях.

Племянник героя

Наверху по степи метет поземка, гонит снежную пыль. Добежав до края карьера, пыль устремляется вниз, словно обрадовавшись неожиданному укрытию. Здесь она может спрятаться от студеного ветра, согреться.

В кабине экскаватора тепло, по-домашнему уютно. Павел работает без рукавиц. Рядом сидит помощник. Он устал. Глаза его слипаются, голова клонится на плечо.

– Что-то смена не идет? – ворчит помощник и трет глаза ребром ладони. – Уже на полчаса опаздывает.

Помощник, совсем «зеленый» парнишка, недавно приехал на стройку из технического училища, за несколько дней не привык. Но Павел не новичок, он в Лебедах с самого начала, поэтому не обижается на сменщиков. Наверное, где-то срочно потребовались люди, и смену забрали туда. Так бывает часто. То на станции руда замерзает в вагонах, приготовленных для отправки, и ее заливают соляжкой. То в шахте отказывает насос, вода грозит затопить ствол и штреки. То еще что-нибудь. А то автобусы из Губкина зарываются в снег, не могут пробиться.

– Ты иди, – говорит Павел помощнику, – я один поработаю.

– Да нет, зачем же? – обижается паренек. Он же не об этом думал, когда говорил.

– Ладно, иди, иди! – повторяет Павел и открывает дверь кабины.

Метель врывается внутрь. На оконном стекле густо оседает пар.

Помощник выпрыгивает из кабины. Он что-то кричит, но голоса не слышно. Взмахнув руками – ударил сильный порыв ветра, – паренек находит ступени лестницы, ведущей наверх, и исчезает в белой мгле.

Павел продолжает работать. Машина подчиняется ему безропотно. Движения машиниста уверенны, все рассчитано до мелочей, выработано до автоматизма. Вот ковш опускается в котлован, молча зачерпывает песок, перемешанный с меловыми отложениями, делает рывок вверх и выбрасывает породу. И с каждым разом все ближе руда.

Руда!

Два года рвутся к ней люди. Ради нее приехали сюда парни и девушки из самых отдаленных уголков страны. Приехал и он, комсомолец Павел Павлов. Ради нее, руды, люди построили город Губкин. Убрали старые Лебеди, заменив их новыми, только в другом месте. Ради нее в голой степи поднялись терриконы осушительных шахт, встали корпуса дробильно-сортировочной фабрики, вытянулась новая железнодорожная линия.

Люди работают в четыре смены. А руды все нет. По расчетам, она должна появиться с минуты на минуту. Шесть бригад экскаваторщиков борются за то, кто первым встанет на кровлю руды. Все только и ждут этого события. Куда ни придешь, один вопрос:

– Нету?

Мотнешь головой в ответ, а сам тоже думаешь: где же она? Тут, конечно, под гусеницами экскаватора, но почему не показывается? Можно подумать, что она нарочно зарывается глубже в грунт, чтобы не идти на службу людям.

Так думает не только Павел, но и те, кто работает рядом в карьере. Это чувство ожидания стало в последние дни самым большим и самым нетерпеливым чувством. Придет со смены домой, наскоро поест, обменяется одной-двумя фразами с женой и ложится отдохнуть. Пролежит несколько часов и... не уснет.

– Да спи же ты! – сердится жена. – Рехнулся, что ли? Погляди, как с лица-то сошел.

Рад бы Павел уснуть, но не может. А ну как товарищи уже встали на руду, а он ничего не знает? Два года он мерзнет на морозе, мокнет под ливнями, стынет на пронзительном

сыром ветру, недосыпает, как и все на стройке, и не пережить волнующей радости этой первой минуты...

Думает Павел, а машина работает четко, словно слилась с его мыслями.

Вдруг экскаватор вздрогнул. Напружинилась стрела, и какой-то режущий звук донесся сквозь стекло кабины. Ковш взметнулся почти пустой.

Павел засмеялся от еще не осознанной, внутренней радости и, забыв, что помощник давно ушел, крикнул:

– Есть, Костюха!..

Еще гребок ковша. Еще – в другом месте, и тот же звук...

Павел не помнит, как выключил мотор, как выбежал из кабины и бросился к товарищам.

Вверху по-прежнему мела поземка. А внизу, на дне карьера, обнимались люди в грязных, замасленных телогрейках, бросали шапки, валили в снег друг друга, как разыгравшиеся дети.

Со всего рудника бежали рабочие – такая весть не могла задержаться.

Шесть часов сорок минут утра. Еще темно. Никто не объявлял митинга, он собрался сам собой. Десятки рук тянулись к Павлу, жали его руки.

А он, смущенный и счастливый, стоял в окружении товарищей и смотрел на два красно-бурых пяточка под ковшом своего экскаватора. Это была руда. Первая руда, и показал ее людям он, Павел Павлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.